

- Что произошло? - спросил Евгений, невольно вздрогнув, когда массивная фигура Романа растаяла под колпаком коммуникатора.

- Хмм... - Максимов пожал плечами. - Буквально в последнюю секунду перед стартом у меня возникло подозрение, что наш подопечный не просто ждет отправки, а начинает самостоятельно влиять на заданные компьютером координаты.

- Подозрение? - Евгений внимательно посмотрел на старого ученого.

- Скорее - чувство, - поправил себя доктор.

- Так все же - подозрение или чувство? - настойчиво переспросил Евгений, в рассуждениях доктора генерал уловил некую нерешительность. - Романа не в чем подозревать! - с плохо скрытой обидой добавил он, начисто забыв, что еще полчаса назад едва не устроил своему подчиненному допрос с пристрастием по поводу меотских ощущений.

- Вы правы, - легко улыбнулся Максимов. - Это было только смутное чувство, и его оценка лежит за пределами моих возможностей.

- Почему же вы так несправедливы к себе?

- Все дело во времени, мой дорогой, все дело во времени. Должен пройти некоторый период, чтобы выяснилось, прав я или нет, - совершенно спокойно ответил ученый. - Но я уже слишком стар...

* * *

Белые легкие крапинки не исчезали, наоборот, они слились в единообразный бесконечный белый ковер. Сначала он оставался белесым, как утренний туман над водой, затем неожиданно стал наливаясь фиолетово-серым сиянием.

На боль, привычную острую боль в голове, вдруг стали наслаиваться все нарастающие жгучие укусы и покалывания: вскоре спину начало печь, как в огне, а еще через несколько секунд Роман Гилев понял, ощущает не жар, а ледяной холод. Только холод способен так глубоко вгрызаться в тело, в кости и плоть. Поверхность, которую он в полубессознательном состоянии принял за раскаленный песчаный пляж, была в действительности бескрайней снежной равниной.

Не вставая, разведчик повернул голову, коснулся волос; под ладонью скрипнули сухие крупинки снега. Он посмотрел вперед - туда, где на снежное покрывало легла фиолетовая тень заката. Приподнявшись на локте, он различил какое-то возвышение среди ледяных торосов, похожее на конический сугроб или на заметенную снегом юрту. Над ней висела половинка багрового гигантского светила, холодного и почти негреющего.

Ледяной ад! Худшее, что могло быть! Черную карту выбросила ему судьба... Вернуться? Он нащупал ладонью маленькую выпуклость под кожей, и это немного успокоило его. Нет, вернуться он всегда успеет... Может быть, удастся найти жилье, одежду, пищу... В первую очередь - одежду, ибо при двадцатиградусном морозе нагишом ему не продержаться и трех часов.

Роман поднялся на ноги, стряхнул обжигающие крупинки с груди и осмотрелся. Худшего нельзя было увидеть даже в кошмарном сне: снег, снег, снег со всех сторон; безмолвная бело-фиолетовая пустыня - на запад и на восток, на юг и север... Пожалуй, только в небо не тянулась

эта снежная пелена...

Впереди, в том направлении, где он увидел конический холмик, по снегу уже протянулись черно-фиолетовые тени от гряды невысоких торосов; сзади равнина еще сохраняла белизну похоронного савана, озаренного потоком сумеречного света. Багровый диск над горизонтом казался яростным оком неведомого бога, с торжеством следившего за агонией крохотного червячка, брошенного прямо в обжигающую снежную крупу; возможно, этот глаз принадлежал не божеству, а Сатане, владыке этого ледяного мира.

Роман поежился. Выбора у него не оставалось; теперь он лучше оценил ситуацию, решив, что на таком холоде не выдержит и часа, а если грянет пурга, то это время сократится до двадцати минут. Ледяную преисподнюю - вот что он получил после Меоты!

Разведчик сделал шаг вперед, но тут, же нога по самое колено провалилась в снег, и тысячи мелких, хищных и острых коготков начали раздирать кожу. Роман пошатнулся, выдернул ногу и неловко сел на снег - прямо в продавленное его телом углубление. Теперь жгло нагие ягодицы - удовольствие ниже среднего; вдобавок кожа на спине, на груди и плечах начала покрываться ледяной корочкой. Только подошвы еще как-то сопротивлялись ярости снежных укусов, но пальцев он уже не чувствовал.

"Стоит провалиться по пояс - и конец..." - с ужасом подумал он, вновь поднимаясь на ноги. Почему-то его меньше волновала перспектива уйти в снег с головой, словно в нынешнем жутком положении все заботы сосредоточились лишь на одной-единственной части тела - как будто он не рисковал отморозить уши, пальцы и нос. Но пальцев, в конце концов, было целых два десятка...

Снег вокруг небольшого плацдарма, на котором стоял Роман, наливался зловещими фиолетовыми тенями. Несомненно, близился закат, хотя он еще не мог определить, встает или садится местное светило; но что-то подсказывало ему, что наступил вечер. Решив отложить любование игрой багрово-фиолетовых лучей до более подходящего случая, разведчик внимательно изучил небольшой участок снега перед собой.

Белесое покрывало на первый взгляд казалось гладким; но стоило закатной тени побежать быстрее, как он отметил, что справа от него, ярдах в двадцати, фиолетовое сияние высвечивает нечто похожее на санную колею. Он присел и похлопал ладонью по ровной белой поверхности - она казалась достаточно прочной. Затем стукнул изо всех сил, и пальцы погрузились в снежную крупу; ледяной холод пронзил руку, отдавшись обжигающей болью в плечевом суставе.

Роман встал и осторожно ступил вперед. Наст треснул и подался, он ушел по колено в снег, но более плотный слой выдержал вес тела. Разведчик облегченно вздохнул; теперь он понял, что сможет передвигаться по поверхности этой снежной пустыни. Но он знал теперь и другое: надо спешить. Закатные тени накатывались серо-фиолетовыми волнами, и каждая из них словно высасывала из воздуха по градусу тепла. Нужно поторапливаться, напомнил он себе и двинулся в направлении санного следа.

Холод подгонял его ледяным стрекалом и, добравшись до колеи, он с опаской перешел на легкую трусцу; снежный покров держал, и Роман ускорил шаг. Он чувствовал, как губительная апатия уже начинает сковывать его разум и мышцы; внутренний голос попытался было убедить его, что конец может оказаться приятней борьбы. Конец - или возвращение назад, в уютный теплый зал под древними башнями Кремля... Разведчик до крови прикусил губу, подавив приступ малодушия. Ни вопросов, ни возражений, ни сомнений! Роман Гилев не собирался

останавливаться и замерзать в этом ледяном аду! И он не хотел возвращаться.

Холмик под грядой торосов, перечеркнувших бескрайнюю равнину, служил ему единственным ориентиром. Он казался чем-то особым, чем-то выделявшимся на фоне смертоносной белой простыни, и только в нем могло таиться тепло и спасение. И след саней вел прямо к нему!

Стылые фиолетовые тени бежали все быстрее и быстрее, обдавая нагого человека ледяным дыханием. Роман перешел на бег; он покрылся испариной, но капли пота не успевали проторить мокрую дорожку по спине - казалось, они замерзали в тот же миг, когда плоть Романа исторгала их. Кожа заледенела; резкие движения ломали прозрачную корку, и крохотные острые чешуйки сыпались на снег.

В какой-то момент он понял, что расстояние в полмили, на котором, как казалось ему, находятся торосы, в действительности составляет милю с четвертью, если не больше. Это удваивало опасность. Начало не только стремительно холодать - столь же стремительно наступал и мрак. Он прикинул, что через пятнадцать-двадцать минут на снежную равнину опустится крошечная тьма. Удастся ли ему тогда отыскать этот спасительный холмик? Едва ли... Предположение о том, что он замерзнет вконец или провалится в какую-нибудь невидимую трещину, казалось куда более вероятным.

Он бежал и бежал, подгоняемый холодом, страхом, гордостью и несокрушимым упрямством, понимая уже, что вновь неточно определил расстояние до странного конического сугроба. Наконец, когда он был готов остановиться, чтобы слегка передохнуть, спокойно прочесть отходную молитву и стукнуть по бугорку спейсера, со стороны холма раздался вой - странный, хриплый и заунывный; первый звук, который он услышал в ледяной преисподней нового мира. Из-за сугроба выскочила стая четвероногих созданий - с дюжину лохматых животных, напоминавших не то собак, не то мохнатых небольших медведей. Увидев мчавшегося к ним человека, они подняли дикий содом, подстегнувший Романа.

Он не сомневался, что видит ездовых псов. Будь звери голодны, они с рычаньем бросились бы ему навстречу, а не призывали хозяина выйти из шатра. Безошибочным инстинктом существа, находившегося на грани гибели, он ощущал близость жилья, пищи, тепла... Близость спасения! Сейчас... сейчас кто-нибудь выйдет... кто-нибудь услышит этот тревожный вой... Он уже едва переставлял ноги, но продолжал двигаться вперед с упорством обреченного.

Он не ошибся. Когда до полной тьмы оставалось минут пять, на фоне холмика, за прыгающими тенями собак, возник человеческий силуэт. Ошибка исключалась; туземец - двуногое создание, похожее на невысокого мужчину, вышел из юрты, чтобы успокоить животных и посмотреть на незваного гостя.

Роман Гилев попытался что-то выкрикнуть, но холод клещами сжал, стиснул его горло, и вместо слов он выдавил лишь неясный жалобный вопль. Затем он рванулся к вожденному жилью - сломя голову, не разбирая дороги. Туземец, еще более мохнатый, чем его собаки, побежал навстречу разведчику и, вытянув руку, что-то предостерегающе закричал, голос у него был тонкий, почти детский.

Но Роман, в полубморочном состоянии, не понял, ни слов, ни жеста.

Мгновение спустя он пробил корочку льда и с головой ушел в ледяную воду. От неожиданности свело дыхание, но он тут же принялся неистово барахтаться, погружаясь все глубже и глубже. В первый момент холод едва не свел его с ума; потом заряд адреналина, выброшенный в кровь, придал ему энергии, заставив искать путь к спасению. Он бился в мрачном бездонном колодце

до тех пор, пока мощным толчком обеих ног не сумел направить изнемогающее тело к спасительной поверхности. Он вылетел над темной водой полыньи и, еще не успев снова погрузиться в нее с головой, услышал, как человек что-то кричит собакам тонким пронзительным голосом. Псы, дружно попрыгав в воду, поплыли ему навстречу.

Разведчик прижал колени к груди, руками обхватил голени, надеясь, как поплавков, зависнуть на одном месте, но ему не хватило воздуха - он захлебнулся горько-соленой ледяной влагой, заполнившей горло и желудок, и все внутри, в груди и животе, сразу занемело. Но, как, ни странно, в легкие попал и воздух: небольшая порция кислорода буквально оживила его.

Выпрямив ноги, он снова попытался плыть. Вокруг уже мельтешили собаки, Роман не видел их - наступила кладбищенская темнота - но чувствовал острый звериный запах. Он вцепился в мохнатую шерсть обеими руками. Кажется, они продвигались вперед: псы неторопливо плыли в ледяной воде и тащили его за собой. Откуда тут, на замерзшей равнине, озеро? - мелькнула и погасла мысль.

На берегу вспыхнул огонек: собаки издали хриплый отрывистый вой и удвоили свои старания. Роман, теряя разум и память от холода и усталости, чувствовал, что лежит теперь на спинах, сбившихся в кучу псов, словно на шерстяном ковре с длинным ворсом. Снова раздалась команда, и мохнатый плот приподнял его; видимо, собаки карабкались на твердую почву. Он снова отметил, что голос его спасителя звучит отрывисто, но по-детски нежно, словно звон серебряного колокольчика.

Интересно, кто звонит в этот колокольчик, подумал Роман, и лишился сознания.

* * *

Все дальнейшие события запечатлелись в его памяти будто обрывки сна; при желании он мог восстановить общую картину, но ручаться за каждую деталь не решился бы.

Перед ним метался сонм бредовых видений, порожденный боровшимся с беспмятством разумом.

Вот огромные собаки легко вылезли - вместе с расprostертым на их спинах нагим человеческим телом - на твердый наст и дотащили свою ношу до конусовидного шатра, прятавшегося под снежным холмиком.

Вот чья-то рука торопливо откинула полог юрты, и псы заползли в тускло освещенное пространство, обтянутое кожей. Роман, сквозь полу сомкнутые веки, разобрал, что юрта сшита или собрана из треугольных полотнищ и сравнительно невелика - метра три диаметром.

Вот собаки остановились в центре и покорно легли на утоптаный снег; разведчик погрузился в их мех еще глубже.

Вот чьи-то руки с нежной кожей перевалили его тело на ложе из шкур просторный мешок, набитый чем-то мягким и теплым, словно пух.

Легкий пряный запах защекотал его ноздри. Хозяин жилища вышел, потом опять вошел и, как показалось Роману, поставил разогреваться какой-то котелок на некое подобие походной печки. Она была раскалена и распространяла вокруг приятный жар.

Сознание разведчика словно плавало на грани бреда и реальности, сна и яви. Постепенно он стал приходить в себя; из горла хлынул поток воды, плечи, грудь, живот сотрясла дрожь. Глаза

его широко раскрылись, руки лихорадочно шарили вокруг, словно в поисках оружия; он понимал, что находится сейчас в полной власти своего спасителя. Профессиональная выучка, однако, брала свое: он успокоился, хотя еще не спускал подозрительного взгляда с туземца. Тот плотно задернул полог, подошел к очагу, снял варежки и откинул капюшон.

Роман не сумел справиться с удивлением - застонав, он ошарашено уставился на тонкое бледное женское лицо, освещенное слабыми бликами огня. Незнакомка стояла у раскаленной печурки, помешивая в котле какое-то варево: над ним уже подымался легкий парок. Услышав стон, она повернула голову, кивнула, словно отметив, что гость очнулся, и явно засуетилась, торопясь приготовить горячее питье. Роман видел, как она подбросила в котелок мелко перетертые ароматные травы, потом, определив - видимо, по запаху, - что настой готов, отлила немного в миску и капнула туда что-то из крохотного пузырька.

Осторожно обойдя печку, она шагнула к Роману; теперь, в трепещущих отблесках пламени, он видел лицо своей спасительницы более ясно.

На первый взгляд, черты выглядели несколько застывшими, а взгляд излишне целеустремленным; но на второй... Да, со второго взгляда Роман пришел к мнению, что она была красива - той хрупкой сказочно-ледяной красотой, которая могла оттаять под теплым взглядом и жаркими поцелуями, обещая много приятных неожиданностей. Едва он подумал об этом, как именно так все и произошло - глаза женщины блеснули, она легко улыбнулась, и странник, оживая, понял, что прогноз был верен.

- Пей, - она поднесла к его рту плошку со своим варевом. - Пахнет неважно, но выпить надо. И как можно быстрее!

Роман сделал глоток, затем второй. Он еще не чувствовал вкуса - видимо, проморозил все внутренности, от горла и до желудка. Как обстояло дело со всем прочим? Об этом он боялся даже помыслить; но если его язык не ощущал ничего, то, что же говорить о наружных органах?..

- Меня зовут Аквилания, - произнесла женщина, не давая Роману перевести дух и открыть рот, - но это очень длинное имя. Я предпочитаю просто Аквия... Нет, нет, - она поспешно приложила ладонь к его губам, заметив, что он пытается что-то произнести. - Сначала ты выпьешь все до последней капли, а потом уже скажешь, как тебя зовут. Договорились?

Роман опустил веки в знак согласия. Он согревался и начал чувствовать не только запах, но и отвратительный вкус пойла, поэтому с лихорадочной поспешностью проглотил остатки целебного настоя. Только затем ему пришлось в голову, что лечение могло оказаться опасней болезни. Что, в конце концов, он знал об этой женщине? Кто она? Знахарка? Колдунья? Ведьма?

Ее зеленоватые глаза впились в зрачки разведчика, и он вдруг начал успокаиваться; казалось, его спасительница излучает невидимые флюиды доверия и благожелательности.

- Молодец, - похвалила она, затем с нежностью провела мягкой ладонью по лбу Романа. - Молодец, - повторила она, - ты - крепкий человек, сильный и терпеливый. Как твое имя, незнакомец?

Он сглотнул и произнес заплетающимся языком:

- Роан... - и запнулся, не в силах ни повторить, ни пояснить, что немного ошибся; губы, и язык еще плохо повиновались ему.

- Красивое имя - Роан, - кивнула женщина и вновь провела по лбу Романа ладонью, вытирая испарину. - Ты скоро придешь в себя, Роан, - сообщила она, посмотрев на влажные пальцы. - Ты потеешь... Это хорошо!

Она снова склонилась над ним, всматриваясь в глаза.

- Как ты попал сюда? Один, голый? Откуда ты взялся?

- Роан... - повторил Роман, рассчитывая, что голос его, хриплый и едва слышный, подскажет женщине, что у него нет сил для объяснений; пусть думает, что спасенный потерял память. Когда он узнает больше об этом мире, не составит труда сочинить подходящую к случаю легенду.

Но сил у него действительно почти не осталось, а вот что касается памяти... Даже если рассказать правду, она в нее все равно не поверит.

Внезапно женщина откинула голову, и на лице ее мелькнуло изумление. Казалось, она прочитала его мысли - но в это уже не мог поверить сам Роман. Впрочем, ему было уже не до того: он почувствовал, как внутри словно взорвалась огненная бомба и пот брызнул из пор чуть-ли не фонтанчиками. Он исходил испариной минуты полторы, после чего наступило облегчение; внутри разливалось приятное тепло, голова пошла кругом.

Аквия довольно кивнула и отдала собакам какую-то команду. Животные зашевелились, полезли на ложе, прижимаясь к бокам разведчика; одна взгромоздилась на его ноги, другая - грудь. Их шерсть была неожиданно сухой и теплой, и сейчас они походили на длинные пушистые меховые валики. Когда движение мохнатых тел прекратилось, разведчик почувствовал, что кожа его тоже стала теплой и сухой.

Ему, решил было, что стоит расспросить прекрасную спасительницу об этой реальности - сейчас он ощущал явный прилив сил; однако смутные образы вдруг закружились у него в голове, становясь все яснее и яснее. Казалось, с каждой секундой он все глубже постигает новый мир, в который его занесла судьба, все полнее впитывает его формы и запахи, вкус и цвет. Он не мог объяснить, каким образом это произошло - может быть, Аквия умела говорить без слов?

Правда, новые его знания еще находились в некотором беспорядке. Единственное, что он твердо помнил и понимал, касалось его назначения в этом заснеженном ледяном мире. Он был Роан, призванным сопровождать и охранять; не бездомным странником, неведомым никому, а стражем, спутником, покровителем и бойцом... И ему предстоял далекий путь - на север, сквозь льды и снега, в древний замок, где под искусными пальцами мастеров расцветают сказочные великолепные картины...

Но кого, же он должен охранять? Роман задумался на миг в своем полусне, и вдруг в сознании его всплыло имя женщины, снежной красавицы, спасительницы. Аквия... Аквилания... колдунья, чародейка, принадлежащая к Дому Властителей... Возможно, она сама навела эти грезы, подумал разведчик, иначе, откуда он знает такие подробности?

Все идет так, как должно, вдруг решил Роман с непрекаемой уверенностью и без всякого перехода погрузился в крепчайший сон.

* * *

Он находился в беспамятстве минут десять и очнулся свежим и отдохнувшим - ощущение тела

было каким-то странным, но явно вызывающим положительные эмоции. Жар, как разволновавшийся теплый ветерок, пробежал от пяток до макушки, а затем прокатывался обратно еще более горячей волной. Чувство это было непривычным еще и потому, что Роман не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, но внутренний огонь, опалявший его плоть, будил желание - неистовое, страстное.

Аквия стояла на коленях рядом с постелью, наблюдая за его реакцией. Видимо, возбуждение гостя не укрылось от ее глаз; судя по улыбке и блеску зрачков, в которых заиграли серебристые искорки, она ожидала именно этого.

- Я вижу, Роан ожил... Что ж, я спасла тебя, а теперь ты поможешь мне, - она снова улыбнулась и с милой откровенностью сообщила: - Уже много дней у меня не было мужчины...

Поднявшись, женщина неожиданно легким движением скинула верхнюю одежду и осталась в тонком, плотно облегавшем тело халатике из серебристого меха. Затем она неторопливо подошла к лежащим у печки объемистым мешкам и, пошарив в одном из них, достала небольшой сосуд. Острый аромат коснулся ноздрей Романа; он, молча, следил за ней, надеясь, что на этот раз ему предложат нечто более приятное, чем прежний мерзкий отвар. Но Аквия не собиралась давать ему питье; она капнула на ладонь янтарный шарик жидкой мази, резким окриком согнала псов и шагнула к ложу, внимательно разглядывая своего пациента.

- Я вижу, ты еще слаб... Значит, мне придется выполнить всю работу за двоих, но я не возражаю. А ты?

Роман в ответ опустил веки.

- Договорились. Но завтра ты поможешь мне - в любом деле, о котором бы я не попросила?

Роман хотел сказать, что когда наберется сил, готов помогать своей спасительнице хоть ежедневно, но язык плохо повиновался ему.

Неожиданно его затрясло, как в лихорадке, на лбу снова выступила испарина; сознание разведчика поплыло, стены шатра заколебались, тело вновь вспыхнуло огнем, как после погружения в обжигающую ледяную воду, но теперь, кажется, для этого имелись гораздо более приятные причины. Он видел, как силуэт Аквии, его красавицы, его Снежной Королевы, словно раздвоился; потом обе женщины одинаковым движением протянули к нему руки, что-то нашептывая розовыми губами. Плавными круговыми движениями Аквия начала втирать в кожу Романа янтарную мазь, и ему казалось, что над ним усердно трудятся четыре нежные ладони.

- Тебе не больно? - спросила одна из Аквий.

Роман осторожно повернул голову и с невероятным усилием прошептал:

- Мне хорошо ... очень хорошо...

- Скоро тебе станет еще лучше... - она улыбнулась; бледно - алые губы дрогнули на чуть порозовевшем лице.

Она действовала умело и быстро: лицо, шея, руки, грудь, живот... затем, когда разведчик с усилием перевернулся, - спина, ягодицы, ноги... Тело его покрывалось мазью, чудодейственным бальзамом, снимавшем жжение и усталость.

Роман плыл по волнам блаженства, улыбаясь женщине. Он все еще находился в странном полусне, лишь иногда испытывая краткие всплески удивления. Неужели пробежка, по морозу и купание в ледяной ванне отняли у него столько сил? Нет, не может быть... он слишком крепок, чтобы серьезно пострадать из-за таких мелочей... Или адаптация к новой реальности, негостеприимной и суровой, лишила его последних запасов энергии? Он понимал, что ему едва удалось избежать смерти, но не мог сказать, откуда пришло к нему это знание. От Аквии? Но как? Каким образом? Может быть, она...

Закончив с массажем, женщина сбросила свое одеяние, небрежно швырнув его на мешки. Теперь она втирала терпкую мазь в собственную кожу, и в слабом свете подмигивающего очага, в полусне-полубреду Роман отметил, как прекрасно ее нежное бледно-голубоватое тело. Оно казалось разведчику гибким, хрупким, но в то же время на удивление мягким, округлым и таинственно притягательным; и он вдруг понял, что давно уже не ощущал такого страстного, такого необузданного желания.

Аквия склонилась над ним; тонкие пальцы коснулись его воспарявшей к жизни плоти; груди ее, словно чаши, наполненные прозрачно-голубым соком, слегка покачивались и обжигали живот случайными прикосновениями; их соски заметно набухали и твердели.

- Я нравлюсь тебе? - вдруг спросила она, глубоко вздохнув и приподнявшись над его телом; ее колени стиснули ребра Романа.

- Да... моя королева... моя Снежная Королева... - разведчик едва слышал свой голос; он плыл в океане блаженного тепла, покачиваясь на волнах сладостного предвкушения.

Аквия оседлала его. Он хотел прижать женщину к себе, положить ладони на талию, затем наполнить их голубоватыми плодами ее груди, ласкать темные соски, коснуться нежной кожи плеч, спины, шеи... Он обнаружил, что не может шевельнуться.

Наклонившись, Аквия впилась губами в его губы; он чувствовал нежную влажную податливость ее плоти. Поцелуй прервался, она застонала, изнемогая, и вскрикнула; потом затихла, прижавшись к Роману. Он тихо позвал:

- Снежная Королева...

- Роан... - долетел откуда-то издали полустон-полушепот Аквии, и Роман почувствовал, что она продолжила прерванную на миг игру, свое неторопливое влажное скольжение, ритмичное и восхитительно плавное...

В какой-то момент их стоны слились, и вечный поединок, который ведут мужчина и женщина во всех мирах и любых измерениях, подошел к экстазу финала; тело Аквии конвульсивно выгнулось, потом она тонко вскрикнула, словно серебряный колокольчик победы прозвенел над ухом Романа, - и рухнула на его грудь.

* * *

Роман не запомнил, часто ли он слышал этот вскрик; но, судя по загадочной улыбке, которой расцвело лицо спящей Аквии, можно было сказать, что колокольчик звенел не один раз.

Фиолетовая ночь - первая, которую он провел в этом мире, в пока еще безымянной реальности - плыла над снежной равниной; спящему Роману чудилось, он снова тонет в ледяной купели, задыхается, бьется, пытается глотнуть воздух. Тело его опять обдавало то жаром, то холодом, странные покалывания сверлили кожу в тысяче, в миллионе мест, будто он, нагой и

беззащитный, был выброшен на мороз, и миллионы снежных пиявок терзали его миллионами ледяных игл. Он стонал и ворочался, не в силах разорвать цепи сонного забытья, но звуки эти, казалось, не тревожили спавшую рядом женщину; ее спокойная поза и улыбка говорили только о блаженной усталости.

Под утро Роман успокоился и крепко уснул. Кожа у него слегка зудела, и мнилось ему, что целая армия муравьев странствует по его плечам и груди и, переползая то на живот, то на спину, щекочет тело бесчисленными лапками. Но он больше не ощущал холодных укусов снега и ледяной воды; наоборот, ему было тепло, очень тепло, почти жарко.

Наступило морозное утро, прогнав сонную одурь ночи; закончилось действие снадобий, и Роман, живой и здоровый, вновь вернулся к привычному состоянию умеренного оптимизма и трезвой рассудительности. Он чувствовал себя превосходно - разве что очень хотел есть.

Потянувшись, Роман выпростал руки из-под мехового покрывала, и вдруг резко отбросил его в сторону. Он глядел на свою кисть, и его глаза раскрывались все шире и шире. Дьявольщина! То была совсем не его рука!

<http://tl.rulate.ru/book/22670/481216>